

ДМИТРИЙ БЫКОВ

Любовь и Смерть

в русской литературе

В комиксах!

ДМИТРИЙ БЫКОВ

Любовь и Смерть

в русской литературе

В комиксах!

Москва
2019

Содержание

7.....**Валерий Брюсов**
«Urbi et Orbi», 1903

19.....**Антон Чехов**
«Вишнёвый сад», 1904

29.....**Александр Куприн**
«Поединок», 1905

41.....**Максим Горький**
«Мать», 1906

55.....**Александр Блок**
«Ночные часы», 1911

69.....**Анна Ахматова**
«Вечер», 1912

83.....**Андрей Белый**
«Петербург», 1913

Владимир Маяковский..... 93
«Облако в штанах», 1914

Иван Бунин..... 111
«Господин из Сан-Франциско», 1915

Борис Пастернак..... 117
«Сестра моя жизнь», 1917

Евгений Замятин..... 129
«Мы», 1920

Николай Гумилёв..... 141
«Огненный столп», «Шатёр», 1921

Исаак Бабель..... 153
«Конармия», 1924

Сергей Есенин..... 163
«Чёрный человек», 1925

Валерий Брюсов

«Urbi et Orbi», 1903

Трудно найти в русской литературе репутацию хуже брюсовской. Больше того, в юношеском своём дневнике от 1898 года он записал: «Юность моя — юность гения. Я жил и поступал так, что оправдать моё поведение могут только великие деяния». Справедливо. Дневник Брюсова пестрит эротическими воспоминаниями, воспоминаниями о влюблённостях, изменах, весьма жестоких расправах с друзьями, врагами, возлюбленными. Вообще Брюсов имел репутацию звероватую, демоническую, и это особенно странно сочеталось, пишет *Ходасевич*, с его купеческим домашним бытом, супругой *Иоанной*, пирожками с морковью. Но Ходасевич-то перед Брюсовым, будем откровенны, ходил на цыпочках, и по инскриптам можно судить, что он преклонялся перед ним глубоко. Это уже он с ним задним числом сводит счёты, после того как Брюсов умер.

Правду сказать, перед Брюсовым многие преклонялись. Репутация ужасная, а ощущение величия, безусловно, от него исходило. *Блок*, главный русский поэт XX века, писал ему, что считает себя недостойным его рецензировать и печататься с ним в одном журнале. И это не брезгливость. Он пишет, наоборот, что, перечитав «Urbi et Orbi», понял, что величие этой книги таково, что он не может, не смеет о ней писать. Больше того, *Тиняков*, конечно, очень дурной человек и не самый сильный поэт, Брюсова обожествлял, говорил, что видит его идущим по водам. Да и женщины русской литературы, такие даже, как весьма талантливая *Надя Львова*, из-за него покончившая с собой, боготворили его и каждое его мнение считали драгоценными. Да и, правду сказать, более талантливого литературного критика, чем Брюсов, который различил, первым почувствовал всех величайших людей русской литературы XX века, трудно найти в это время.

Знаете, есть у меня такая теория, что каждому крупному литературному явлению предшествует предтеча, какая-то не очень удачная, но близкая репетиция. Вот Брюсов — первое явление **Гумилёва**, блистательного, волевого, такого формалиста, цеховика, в хорошем смысле, разумеется. «Цех поэтов» — лучшая школа для новичков и лучшая литературная организация, самая дисциплинированная, самая чеканная, самая, пожалуй, плодотворная, которая в русском начале XX века существовала. Брюсов — предтеча акмеистов с их значащим словом. Конечно, его знаменитый сборник «Русские символисты» — начало русского символизма, и он, конечно, первый русский символист.

Но по большому-то счёту с Брюсова началось в русской литературе почти всё. Началась гумилёвская романтика:

**Дремлет Москва, словно самка спящего страуса...
Моя любовь — палящий полдень Явы...**

Из всего этого вырос «Путь конквистадоров». Брюсов — предтеча русского киплингизма, Тихонова например. В огромной степени предтеча русского сюрреализма — сколько у него было стихов абсолютно безумных! И конечно, можно найти массу брюсовских стихов у **Мандельштама**.

**Вскрою двери ржавые столетий,
Вслед за Данте семь кругов пройду...**

Это же абсолютный «Ламарк»:

**Мы прошли разряды насекомых.
С наливными рюмочками глаз.**

Очень много брюсовских отзвуков, брюсовского голоса в русской поэзии. Влиятельность его была огромна, потому что он сам был бесконечно разнообразен, и не случайно «Все напевы» — это его неосуществлённый великий замысел, попытка написать стихи в духе абсолютно всей мировой поэзии! Написать рондель, виреле, сонет, секстину, английскую балладу! Пытался стилизовать даже фольклор, даже народные песни: «Кенгуру бежали быстро, / Я ещё быстрее. / Кенгуру был очень жирен, / А я его съел». Конечно, ни о чём, кроме пародии, при этом не вспоминаешь, но что поделать. «Все напевы» — это стремление стать радугой, воспроизвести всё.

За величайшим трудолюбием Брюсова, которое заставило **Цветаеву** назвать его героем труда, за величайшей осведомлённостью и эрудицией Брюсова очень многие забывают главное в его поэзии.

Вот это главное, пожалуй, впервые было сформулировано, явлено в наибольшей полноте в сборнике «Urbi et Orbi». Что же тридцатилетний к тому моменту Брюсов, Брюсов на пике своих возможностей, предлагает urbi et orbi, граду и миру? **Мне кажется, что главная брюсовская лирическая тема — тема садомазохистская.** Не только в эротическом плане, хотя надо сказать, что Брюсов — это и великий эротический поэт, давайте будем откровенны.

Что мы, действительно, всё ведём себя, как в воскресной школе!

Как писал Набоков.

Признаем, что именно с Брюсова в русской поэзии начинается эротика, до него этого просто не было. Он поэт небывалой откровенности, кстати говоря, он и в переписке невероятно откровенен.

Вспомните, например, его переписку с **Ниней Петровской**, прототип безумной Ренаты в «Огненном ангеле». Конечно, сама по себе Нина Петровская — настоящая демоническая, элитарная женщина Серебряного века с такой же страшной трагической судьбой. Нужно сказать, что переписка Брюсова с Ниной Петровской — гораздо более захватывающий роман, чем «Огненный ангел». И письмо о том, как в варшавской гостинице они лежат, соприкасаясь коленями, — это, пожалуй, одно из самых пронзительных и горячих любовных писем в русской литературе вообще. Удивительный человеческий документ!

Любовь эта мучительная, после которой и Брюсов был разрушен необратимо, потому что Нина его подсадила на наркотики, и Нина оказалась практически разрушена, потому что никто не мог ей его заменить. Эта любовь породила в огромной степени лучшие лирические стихи Брюсова, и главная тема этих стихов — взаимное мучительство, потому что и Ходасевич правильно процитировал:

Где же мы: на страстном ложе
Иль на смертном колесе?

Действительно, взаимное мучительство двух равных душ, двух равных и равно не примирённых личностей. Для Брюсова любовь существовала только как покорение, завоевание. Он был в этом смысле большим конквистадором, чем Гумилёв, потому что для Гумилёва, например, с его мальчишеским озорным темпераментом, возможно, было и сотворчество, и равенство, и партнёрство, как довольно долго было в его отношениях с Ахматовой, например, — все эти взаимные игры, в том числе литературные. Брюсов в этом смысле гораздо радикальнее. Гумилёв всё-таки товарищ, скорее товарищ по играм. Ему необязательно подчиняться, необязательно доминировать. Больше того, когда он понимает, что проигрывает, он ведёт себя совершенно как мальчишка, например в истории с *Черубиной де Габриак*. Обиженный мальчишка, который по-мальчишески мстит.

Совсем другое дело **Брюсов**. Брюсов — действительно абсолютная доминантная фигура, поставившая перед собой великую задачу. Тогда, когда Надежда Львова, ещё пытаясь сопротивляться его демоническому обаянию, сказала, что стихи его холодноваты, он сказал:

Да, может быть. Но они будут в программе гимназии, и такие девочки, как вы, будут их затверживать наизусть.

Брюсов знал, что хотя бы тремя строчками, но он останется в истории литературы. У него тоже есть высокий демонический порыв, порыв ницшеанский: любой ценой осуществиться, любой ценой остаться. Художник, мастер железной самодисциплины, и «Urbi et Orbi» — это стихи, в огромной степени посвящённые тому, как мастер ладит собственный постамент. Это потом уже в стихах Брюсова появятся общественные темы, напишет он гениального «Каменщика», на мой взгляд, замечательного, напишет вообще довольно много политических стихов, всегда у него очень слабых.

Но Брюсов 1903 года, Брюсов времён «Граду и миру» — это ещё человек, которого больше всего занимает он сам, занимает его миссия поэта. И для него самодисциплина, огранка стиха, чеканка, сверхчеловечность, подчинение себе и читателей, и женщин, и времени — выдающаяся задача! И должен я сказать, что, если бы сегодня Россия читала Брюсова, она бы, конечно, не смирилась с нынешним своим положением, потому что поэзия Брюсова — поэзия именно сверхчеловеческой дисциплины, максимальной требовательности к себе.

Вперёд, мечта, мой верный вол!
Неволей, если не охотой!
Я близ тебя, мой кнут тяжёл,
Я сам тружусь, и ты работай!

После этого, конечно, очень жидкими выглядят стихи **Заболоцкого**:

**Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!**

Ну обязана трудиться, ну и что? Ради чего? Брюсов не боится сказать — ради памяти, славы, вечности, ради самоутверждения в этой вечности. И он не только лучший переводчик **Верхарна**, он ещё и в некотором смысле русский Верхарн, который утверждает торжество железного города, каменных зданий. Это всё для него памятник человеческой мощи, могуществу человеческого духа, и сам он только частный случай этого могущества.

Естественно, любовь такого человека — это мучительная, смертельная борьба между привязанностью и тщеславием, между похотью, которая делает его слабее, и опять-таки железной самодисциплиной. Любовь обречена всегда заканчиваться разрывом, потому что нельзя много тратить времени на эту слабость, надо всегда преодолевать. И этот пафос преодоления в «Urbi et Orbi» невероятно силён. Уже ранний Брюсов возглашал:

**Я—вождь земных царей и царь, Ассаргадон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!**

Он действительно пришёл как лидер, как вождь. И он был вождём русской поэзии. Безусловно, лучшие стихи 1900-х годов написаны Брюсовым.

Мы понимаем, конечно, гениальность, воздушность Блока, понимаем его мелодизм, понимаем его универсальность, потому что в стихи Блока каждый может поместить себя, в них нет определённости. Каждый может произнести это от собственного лица. А вот Брюсов не то, Брюсов — поэт не для всех. **Пиотровский** сказал о Ленинграде, о Петербурге, что это сильный город, построенный для сильных людей сильным человеком. Вот так и Брюсов. Это поэт силы, самодисциплины, логики. Может быть, его стихи выглядят слишком головными, хотя в них всё время скрежещет потаенная страсть, всё время умоляет о сопротивлении, о милосердии задавленное человеческое. Это его внутренняя драма, это главное его противоречие, но при всём при том мы должны признать, что поэтика дисциплины — это не самое плохое, потому что русская душа недисциплинирована. Русская душа вяловата, мечтательна. Брюсов, который, как Медный всадник, на дыбы поднимает собственную лирику, всё время взнуздывает её, Брюсов, который требует от читателей такой же железной логики и чёткости, — хорошее противоядие от безволия. И «Urbi et Orbi» — книга стихов, которые в массе своей предлагают нам, пожалуй, самый полезный, самый спасительный императив.

Ещё о чём нельзя не сказать? Конечно, Брюсова всю жизнь упрекают за то, что он рациональный, за то, что он головной. Но вспомним «Коня блед». «Конь блед», один из всадников апокалипсиса, это страшное городское видение, которое написано такой длинной захлёбывающейся строкой с не очень чётко заявленным размером. На самом деле, мне кажется, это такой семистопный ямб. «Мчались omnibusы, кебы и автомобили, / Был неисчерпаем яростный людской поток». Вот это стихотворение настолько страшное, что в детстве, я помню, я его пролистывал поскорее, я очень его боялся. Вот это апокалиптическое видение — откуда оно вдруг у рационального, трезвого Брюсова? Можно объяснить.

Брюсов — поэт всегда предощущаемой расплаты, великих потрясений. За что? Да вот за то, что люди расслаблены, за то, что он один такой высится утёсом среди людского моря, которое вечно

принимает любые формы. Город, среди которого появляется конь блед, — это город конформистов. Рискнём сказать, что это город попустительства, помните, по формуле Анненского? Текучего и повального попустительства людей своим слабостям. Два человека в этом городе равны себе: безумный, убежавший из больницы, и проститутка. Она растоптала себя ради людей (или ради выживания), но тем не менее сумела себя отринуть, а он безумец. Вот к ним по-настоящему обращается Брюсов, потому что Брюсов взывает на самом деле бескомпромиссности и подлости. Именно поэтому он оказался первым, кто высоко оценил Маяковского и Хлебникова. Я думаю, что сегодня чтение Брюсова — это тот необходимый витамин, который способен придать аморфности нашей жизни и нашей душе некую кристаллическую строгость и напомнить нам о том, что «Царство Небесное силою берётся».

Вопрос первый был, конечно, о взаимном влиянии Брюсова и Блока — было ли оно?

Конечно, Брюсов повлиял, но повлиял очень странно. Блок находится с ним в довольно жёсткой полемике. Вот возьмём классическое стихотворение из «Urbi et Orbi» — «Побег», очень мне, кстати, нравящаяся:

Мой трубный зов, ты мной слышан
Сквозь утомлённый, сладкий сон!
Альков, таинственен и пышен,
Нас облегал со всех сторон.
И в этой мгле прошли — не знаю, —
Быть может, годы и века.
И я был странно близок раю,
И жизнь шумела, далека.
Но вздрогнул я, и вдруг воспрянул,
И разорвал кольцо из рук.

Как молния, мне в сердце глянул
Победно возраставший звук.
И сон, который был так долог,
Вдруг кратким стал, как всё во сне.
Я распахнул тяжёлый полог
И потонул в палящем дне.

<...>

И я — в слезах, что снова, снова
Душе открылся мир другой,
Бегу от пышного алькова,
Безумный, вольный и нагой!

Зрелище, конечно, ужасное, но у символистов бывали и не такие крайности. «Соловиный сад», конечно: «Я ломаю слоистые скалы...» Помните, эта история о том, как он тоже век или день провёл в чужом саду: «Заглушить рокотание моря / Соловиная песнь не вольна!» Он выбрался из алькова, бежал, и что же? Встретил его «рабочий с киркою, / Погоня чужого осла». И мораль Блока очень проста: там бы ты и спал! Не ходил бы ты в эту реальность! Что тебе вот этот безумный

полдень, который палящий, «И потонул в палящем дне», тоже мне отрада! Конечно, вот в этом-то главная разница между Брюсовым и Блоком. Брюсов бежит от мечты к реальности, «бегу от пышного алькова», а Блок говорит: да что в жизни-то? Не стоит жизнь соловьиного сада. Останься в соловьином саду, и будет тебе счастье.

Вот вам, пожалуйста, гимн брюсовский:

Здравствуй, тяжкая работа,
Плуг, лопата и кирка!
Освежают капли пота,
Ноет сладостно рука!

Прочь венки, дары царевны,
Упадай порфира с плеч!
Здравствуй, жизни повседневной
Грубо кованная речь!

<...>

В час, когда устанет тело
И ночлегом будет хлеб,—
Мне под кровлей закоптелой
Что приснится за напев?

<...>

А когда и в дождь и в холод
Зазвенит кирка моя,
Буду ль верить, что я молод,
Буду ль знать, что силен я?

Понимаете, вот этот гимн работе такой странный в русской литературе, в мечтательной русской литературе, которая всю жизнь, как Обломов, бережёт свою сердечную чистоту. В этом принципиальное брюсовское новаторство. Кто бы вообще пел такие гимны труду и дисциплине? Даже Горький, вечный труженик, говорил, что труд — проклятие человека, мука человека, его первородный грех. А для Брюсова милое дело.

